Бывшая любовница

Автор:
Мишель Смарт

Бывшая любовница

Мишель Смарт

Любовный роман – Harlequin #540Неотразимые сицилийцы #2

Кара проводит потрясающую ночь с Пепе Мастранджело – богачом и известным плейбоем. Наутро он исчезает, а через некоторое время Кара обнаруживает, что беременна. Могла ли она предположить, что всего одна ночь станет прелюдией к невероятной любви?

Мишель Смарт

Бывшая любовница

Роман

Michelle Smart

The Sicilian’s Unexpected Duty

The Sicilian’s Unexpected Duty © 2014 by Michelle Smart

«Бывшая любовница» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

Пепе Мастранджело залпом выпил бокал красного вина. Тетя Карлотта следовала за ним по пятам и зудела прямо в ухо, повторяя как попугай, когда же он, Пепе, последует примеру старшего брата и остепенится, вступит в брак и заведет детей.

Тетя Карлотта была не одинока в своих устремлениях. Весь клан Мастранджело вместе с кланом Ломбардис с материнской стороны считали, что его личная жизнь является предметом семейного обсуждения. Обычно он достаточно спокойно относился к их приставаниям, отбиваясь от их вопросов усмешками, и отшучивался, что, поскольку на свете столько прекрасных женщин, он просто не может выбрать среди них одну. Да он скорее искупается в пруду с электрическими угрями, чем женится.

Брак существует для мучеников и дураков, а он себя к ним не причислял. Один раз он почти женился, когда был молод и глуп. Детская любовь… Она разорвала ему сердце на куски и оставила пустую оболочку.

Теперь-то он понял, что легко тогда отделался. Обжегшись на молоке, дуешь на воду. Только полные идиоты готовы к новой порции сердечной боли.

Но боже упаси с кем-нибудь поделиться этими соображениями. Окружающие наверняка попытаются уговорить его испытать эту «радость» еще раз.

Хотя сегодня обычная находчивость ему изменила. Но ведь обычно он не отвечал на подобные вопросы под обстрелом миндалевидных зеленых глаз, следящих за каждым его движением. И не просто следили – эти глаза буквально сверлили его с неприкрытой ненавистью.

Кара Делейни.

Их с Карой выбрали крестными его племянницы. В церкви он был вынужден сидеть с ней рядом и стоять у купели.

Он уже и забыл, как она хороша собой. Большие глаза. Крошечный носик и губы бантиком. Эдакая рыжая гейша. Рыжая? Трудно подобрать описание к ее длинной огненной гриве. Сегодня, в красном облегающем бархатном платье, она выглядела не только красивой, а сногсшибательно сексуальной.

При иных обстоятельствах он, ни секунды не колеблясь, провел бы с ней день, флиртуя, угощая вином, и даже не отказался бы от повторения прошлого.

Раньше его не смущало находиться в обществе своих бывших любовниц, особенно когда его «секс-детектор» остро на них реагировал.

Как правило, он за десять шагов мог определить женщину, нацеленную на брак и детей, и всячески избегал ее. А встретиться с бывшей любовницей? Никаких проблем.

Но на этот раз все было по-другому. Обычно он больше не видел этих дам, после того как потихоньку выходил из гостиничного номера, оставляя их спящими в постели, где они занимались любовью. И обычно он не крал их телефонов.

Когда месяц назад был определен день крестин, он понял, что придется снова увидеться с Карой, поскольку она – лучшая подруга его невестки.

Он ожидал, что она встретит его с ненавистью, и не мог ее в этом упрекать. Но вот чего он не ожидал, так это странного, тянущего ощущения в животе. И это ему не нравилось, как бы оно ни называлось.

Бросив взгляд на часы, он понял, что ему придется выносить ее неприязненный взгляд еще какое-то время до того, как он отправится в аэропорт. Завтра он совершит поездку по весьма прибыльным виноградникам долины Луары, которые, по слухам, выставлялись на продажу. Пепе хотел успеть сделать предложение, прежде чем об этом разнюхает кто-то еще.

– Ну разве она не красавица! – Тете Карлотте удалось завладеть младенцем Лили и поднести ребенка прямо к носу Пепе.

Он посмотрел на толстощекое личико с черными глазами. Все, что пришло ему в голову, так это то, что девочка похожа на поросенка.

– Да, конечно, красавица, – соврал он, широко улыбаясь.

Тут от лицемерного проявления восторга он был спасен двоюродной бабушкой, которая оттолкнула его в сторону, чтобы самой поворковать над бедным ребенком.

Воспользовавшись этим, Пепе незаметно отошел в сторону. Судя по тому, как вели себя его родственники на крещении, можно подумать, что Лили появилась на свет в результате непорочного зачатия. Но откуда ему знать, как себя вести? Он не посещал обряда крещения почти пятнадцать лет. Будь его воля, он и здесь не появился бы. Но брат Лука придушил бы его, откажись он стать крестным.

Интересно, сколько потребуется времени Луке и Грейс, чтобы повторить это? Наверняка не остановятся, пока не родится мальчик. Его родители удовлетворили необходимость в наследнике после рождения Луки, а появление на свет Пепе было «про запас», ну и обеспечить Луке товарища по играм.

Может, он несправедлив к родителям? Не важно. Весь день он пребывает не в своей тарелке, а тут еще рыжеволосая гейша свирепо смотрит на него, словно он Антихрист.

Он взял еще один бокал красного вина. Никто не заметит, если он уйдет раньше, чем того требует вежливость.

– А ты в плохом настроении, Пепе.

Черт! Ему следовало ожидать, что она его перехватит.

Пепе изобразил еще одну фальшивую улыбку и повернулся к ней лицом.

– Кара! – воскликнул он с такой деланой радостью, что даже младенец Лили могла бы его раскусить. Он схватил ее за плечо и расцеловал в обе щеки – она была маленькой, и ему пришлось согнуться почти вдвое. – Как дела? Довольна

приемом?

Темно-янтарные брови сердито сдвинулись.

– О да. Прекрасно провожу время.

Притворившись, что он не заметил колкости ее тона, на полную мощность «включил» свою улыбку:

– Все как в сказке. А теперь, извини, но я должен…

– Сбегаешь? – Ее ирландский выговор прозвучал заметнее, чем раньше. Когда они впервые встретились здесь, на Сицилии, три года назад, акцент был едва слышен, поскольку она уехала из Ирландии в Англию еще подростком. А когда он соблазнил ее в Дублине – с тех пор прошло четыре месяца, – то акцент очень чувствовался. Сейчас ее происхождение не вызывает сомнений.

– Я должен кое-куда уехать.

– Да? – Если интонация может разрезать стекло, то это произошло бы. Она кивнула в сторону его невестки. – Это ведь она причина того, что ты украл мой телефон? – Сказанное прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

Он сделал вдох, прежде чем встретиться с холодным, злым взглядом. В последний раз, когда они были вместе, глаза Кары были полны желания.

– Да. Причина в ней, – ответил он.

Губы Кары всегда притягивали взгляд: нижняя губа была пухлой, словно укушенной пчелой. Сейчас она так сильно зажала губу зубами, что когда отпустила, то губа сделалась еще более пухлой и красной. Что касается глаз, то они были готовы его убить.

– И это мой телефон помог Луке найти ее?

Нет смысла лгать – ответ ей известен.

– Да.

– И ты проделал весь путь до Дублина на аукцион, где я работаю, потратил два миллиона евро на картину, лишь бы заполучить мой телефон?

– Да.

Она покачала головой. Длинные бронзово-медовые кудри запрыгали у нее по плечам.

– Значит, ты умышленно сказал мне, что всегда хотел посетить Дублин? И попросил показать тебе город?

– Да. – Он выдержал ее ледяной взгляд и придал голосу некоторую мягкость. – У меня действительно получился прекрасный уик-энд, а ты оказалась превосходным гидом.

– А ты оказался отъявленным… – Она проглотила ругательство. – Ладно. Ты соблазнил меня по одной-единственной причине – стащить мой телефон, как только я уснула.

– Главная причина в этом, – согласился он и почувствовал, что у него почему-то сдавило грудь. – Но, уверяю тебя, я наслаждался каждой минутой. И ты тоже наслаждалась, я уверен.

Тогда Кара растаяла в его руках. Моменты блаженства отпечатались в его памяти и не исчезли до сих пор. Но сейчас он безжалостно подавил эти мысли.

Все, чего он хочет, – это убраться прочь от нее, с этого удушающего приема с разговорами о детях и свадьбах.

– При чем здесь наслаждение? Ты мне лгал. Ты лгал мне целую неделю, притворялся, что тебе приятно со мной общаться… – Щеки у нее раскраснелись.

Он сверкнул чарующей улыбкой:

– Мне было очень приятно – это правда.

Хотя сейчас никаких приятных ощущений он не испытывал. Этот разговор напоминал ему частые визиты к директору, когда он учился в школе. Даже если заслуживаешь нагоняй, это не значит, что получаешь от этого удовольствие.

– Я что, похожа на человека, который только вчера родился? – резко отозвалась она. – Единственная причина, по которой ты меня заловил, – это твой брат, его отчаянные попытки найти Грейс.

– Мой брат заслужил того, чтобы знать, куда уехала его жена.

– Нет, не заслужил. Она не его собственность.

– Этот урок, уверяю тебя, он усвоил. Взгляни на них. – Пепе кивнул на Луку и Грейс – тот обнимал жену за талию. Он мысленно обозвал их дураками. – Они счастливы снова быть вместе. Все обернулось как нельзя лучше.

– Я была девственницей.

Пепе поморщился. Он постарался забыть эту маленькую подробность.

– Если тебе нужно извинение, то я его приношу, но, как я тебе тогда объяснил, я этого не знал.

– Я тебе сказала…

– Ты сказала, что у тебя никогда не было настоящего бойфренда.

– Именно так.

– А я тебе сказал, что отсутствие настоящего бой-френда не означает девственность.

– Для меня означало.

– Откуда я мог это знать? Тебе двадцать шесть лет. – А про себя подумал, что девственницы такого возраста – давно исчезнувшее явление. Вслух, разумеется,

он этого не произнес.

Кара покраснела, и кожа у нее сделалась такого же огненного цвета, как и волосы. Он представил, что она вполне может его ударить на глазах всего семейства… хотя для этого ей понадобилась бы лестница. Она выглядела как свирепый охотничий терьер.

– Ты меня использовал, – чуть ли не прорычала она. – Я тебе поверила… поверила, что ты серьезно настроен, что мы с тобой снова увидимся.

– Когда? Скажи на милость, когда я говорил, что мы снова увидимся?

– Ты сказал, что хочешь, чтобы я приехала в твой новый дом в Париже и посоветовала тебе, куда повесить картину Каналетто[1 - Каналетто (Джованни Антонио) – итальянский живописец (1697–1768).], которую ты купил на аукционе.

Он пожал плечами:

– Это был деловой разговор. Ты разбираешься в искусстве, а мне нужен взгляд знатока. – Ему действительно нужен эксперт. Он купил дом в Париже, чтобы выставить свою коллекцию, но все предметы находились пока на складе.

– Ты сказал это, окунув палец в шампанское, а затем положил палец мне в рот, чтобы я слизала капли.

Он почувствовал желание. Это произошло, когда они ужинали последний раз, после чего она согласилась прийти к нему в гостиничный номер и провести с ним ночь.

Он оборвал эти мысли. Последнее, что ему нужно в этот момент, – это вспомнить то, что было дальше той ночью. Он чувствовал, как ему жмут брюки.

– Почему ты сразу не стащил мой телефон? Зачем было целый уик-энд морочить мне голову? – Зеленые глаза посмотрели на него скорее не враждебно, а недоуменно.

Да, выносить болтовню тети Карлотты намного легче, чем выносить это. О’кей, он понимает, что Кара оскорблена – он едва ли может гордиться своим поведением в тот злополучный уик-энд, – но ей пора забыть об этом.

– Я не мог стащить твой телефон по одной причине – ты не расставалась со своей сумкой ни на минуту. Ты просто вцепилась в нее. – Даже сейчас длинный ремешок свисал у нее с шеи, а сумка была прижата рукой.

– Удивительно, что ты не нанял кого-нибудь, чтобы напасть на меня. Уверена, что у вас с братом нашлись бы на примете сомнительные личности. И не пришлось бы тратить на это свое время.

– Но ты могла пострадать, – сладким голосом возразил он. И непонятная дрожь пробежала у него по животу. Что это?

Все, хватит. Он повел себя отвратительно, но… был вынужден так поступить. И не намерен провести остаток жизни в извинениях. Он ни разу не соврал ей по-настоящему. А вот как она поняла его слова… это уж ее дело.

– Ты жила в доме с тремя другими женщинами. А это значит, что вламываться к тебе в дом слишком опасно. На работе телефон ты держала при себе. Если бы ты хоть раз оставила свою сумку без присмотра, я бы ее взял, но ты же… ты же с ней не расставалась.

– Так выходит, что это я виновата? – Кара вызывающе уперлась руками в бедра.

Она – самая маленькая из всех его знакомых женщин. Только его двоюродная бабушка Магдалина такого же роста. За те четыре месяца, что он ее не видел, она похудела, и теперь вид у нее просто кукольный. Но то ли от длинных огненных волос, то ли от свирепого взгляда зеленых глаз, внушительности ей было не занимать. Ясно, что с места ее не сдвинет даже танк.

Пепе подавил проклятие.

– Что сделано, то сделано. Я извинился, так что конец истории. Прошло четыре месяца. Предлагаю тебе забыть об этом и жить дальше.

С этими словами он отошел, направляясь к Луке и Грейс, чтобы попрощаться.

– Да нет, это не конец истории.

Что-то в ее тоне заставило его остановиться.

– У меня не получится «забыть об этом и жить дальше».

У него по позвоночнику пробежали мурашки. Что это? Страх?

* * *

Кара увидела, как у Пепе напряглись мышцы на спине под тщательно выглаженной розовой рубашкой.

Только Пепе мог позволить себе появиться на крестинах племянницы в розовой льняной рубашке с распахнутым воротом и в синих брюках чино. Рубашка не была даже заправлена внутрь! Но мужественности ему было не занимать. Будь ее воля, то она выжала бы из него весь тестостерон – а этого добра у него хоть отбавляй! – и вылила бы в унитаз. Стоя с ним рядом в церкви, она чувствовала себя неловко – слишком нарядно одетой по сравнению с ним. Ее это злило, хотя злиться надо не на себя, а на него, что не одет должным образом. Пепе выглядел так, будто сошел с подиума Дома моделей. Его внешность не могла не завораживать: римский нос, высокие скулы, изящная эспаньолка и ниспадающая на лоб черная как смоль прядь волос.

Она-то думала, что подготовилась к разговору с ним! В голове у нее сложился четкий план: она будет спокойна, вежливо попросит уделить ей пять минут, объяснит ему ситуацию и скажет, чего она хочет.

Ни за что на свете она не даст ему понять, в каком была состоянии, когда проснулась одна в его гостиничном номере. Или тот ужас, когда полоска теста на беременность сделалась розовой у нее в руке.

Она будет спокойной.

Но благие намерения мгновенно улетучились, стоило ей взглянуть на это красивое лицо. Да она готова выбить ему все его ровные, белые зубы!

Пока они находились рядом на крещении как крестные родители, она думала только о том, как же ей хочется нанести ему какое-нибудь увечье. Она смотрела на шрам, который тянулся у него по щеке.

Вот бы найти того, кто это сделал, и пожать ему или ей руку! В тот уик-энд она спрашивала Пепе о шраме, но он отшутился и ушел от ответа. Она не стала больше расспрашивать. Тогда ей хотелось провести пальцем по шраму, чтобы он волшебным образом исчез.

Интересно, кто же так сильно его ненавидел, что нанес ему такую рану? Пепе ведь само олицетворение шарма. Все его обожали. Так ей казалось тогда.

А сейчас она нисколько не удивилась бы, узнав, что есть люди, которые выстроились в очередь, чтобы его изувечить.

Кара не ожидала от себя подобной ярости. Она пацифистка. Господи! Она же посещала антивоенные демонстрации.

Прошедшие четыре месяца она без конца ругала себя за глупость, за то, что ее угораздило поддаться чарам Пепе Мастранджело. Могла бы сообразить, что он интересовался вовсе не ею. Ведь раньше он не проявлял к ней никаких чувств. Ни разу.

Во время ее поездок на Сицилию к Грейс они частенько вчетвером куда-нибудь ходили. Лука пугал ее с самого первого раза, когда она его встретила. А Пепе… он был веселым и приветливым. И вскоре она уже общалась с ним так же легко, как и с Грейс. Роскошный мужчина, Пепе привлекал к себе взоры абсолютно всех женщин не важно какого возраста.

Однако, хоть ей и нравилось его общество, она знала, что он принимает участие в общих развлечениях, только чтобы показать свое расположение к жене старшего брата. Он флиртовал с Карой не больше, чем с любой другой. Когда он устремлял свои неподражаемые темно-голубые глаза на женщину, то она чувствовала себя единственной в мире. Он был оживлен, разговорчив, чтобы не сказать болтлив.

Она смеялась его шуткам. С ним она почему-то чувствовала себя в безопасности, хотя он не был тем мужчиной, кого любая женщина в здравом уме могла воспринимать всерьез.

Что ж, значит, она дура, если поддалась его ухаживаниям. Никогда в жизни она больше не совершит подобной ошибки ни с ним, ни с кем-либо еще.

Разве она не знала, что секс – не что иное, как оружие? Разве не видела собственными глазами, что происходит, когда взрослые мужчина и женщина идут на поводу своих инстинктов? Что это разрушает жизни и семьи?

Пепе наслаждался тем, что давал волю своим гормонам. Он просто упивался этим. Для него она, Кара, была средством для достижения желаемого, а секс с ней – это чаевые, которые он ей оставил. Брат хотел вернуть свою жену, а в телефоне Кары были сведения, где ее найти. А то, что она живой человек со своими чувствами, ничего не значило. Там, где дело касалось семьи, Пепе был готов на все.

– Я не могу «забыть об этом и жить дальше», потому что я беременна, а ты – безответственный, безжалостный плейбой.

Глава 2

Пепе повернулся к ней – на его лице играла широкая улыбка.

– Это у тебя такие шутки?

– Нет. У меня шестнадцать недель беременности. Поздравляю. Ты скоро станешь папочкой.

Он пристально посмотрел на нее, но улыбку с лица не убрал. Кругом его семья. Кара почти чувствовала их взгляды, устремленные на них. На нее.

Поздно думать о том, как бы спрятаться за Грейс, что она делала много раз, начиная с подросткового возраста. Стоило ей попасть в непривычную ситуацию на публике, она предоставляла Грейс быть «первой скрипкой», пока сама не успокоится и не обретет дар речи. Грейс все понимала. Грейс ее защищала.

Но Грейс вышла замуж, уехала в другую страну, и Кара была вынуждена сама справляться с трудностями. Она вернулась в Ирландию, нашла работу, которая ей нравилась, пусть и не очень высоко оплачиваемую, но ведь это только начало. Она даже завела новых друзей. Кара действительно думала, что нашла свою дорогу в жизни.

Пепе не просто встал у нее на пути – он, словно огромный бульдозер, перепахал ее жизненный путь. Он оставил ее одну, испуганную и беременную, а впереди темной тенью маячит будущее.

Наконец он указал кивком на дверь:

– Пойдем со мной.

Она с облегчением выдохнула – хоть ненадолго уйти от любопытных глаз и собраться с мыслями. Она последовала за Пепе в широкий коридор.

Пепе остановился у каменной стены и запустил пальцы в густую черную шевелюру.

Мимо них служанка пронесла в гостиную поднос с канапе.

Не успела она уйти, как появились, смеясь, два пожилых дядюшки. Увидев Пепе, они накинулись на него с объятиями и обрушили град вопросов, на которые Пепе отвечал с легкостью и со смехом, словно его ничто на свете не волновало.

Но, как только они с Карой остались одни, улыбка мгновенно исчезла.

– Надо отсюда убираться, пока не нагрянули другие родственники. – И быстро пошел в сторону перестроенного монастырского помещения, где она никогда прежде не была. Кара едва за ним поспевала.

– Куда мы идем?

– В мои апартаменты. – Он бросил на нее через плечо мрачный взгляд, но шаг не замедлил. – Ты что, хочешь вести этот разговор перед толпой Мастранджело и Ломбардис?

– Нет, конечно, но разговаривать в твоих комнатах я точно не хочу. А мы не могли бы поговорить где-нибудь в другом месте?

– Нет. – Он остановился у двери, отпер ее и открыл. – Я через два часа улетаю в Париж. У тебя есть единственная возможность убедить меня, что это я сделал тебя беременной.

Она уставилась на него:

– Ты думаешь, я вру?

– Ты не первая женщина, которая врет насчет беременности.

Бросив на него убийственный взгляд, Кара прошла в его «обитель».

Апартаменты Пепе, хотя он пользовался ими редко – у него, по крайней мере, еще три других дома, – были такими, какие она и ожидала увидеть. В отличие от остальных помещений перестроенного монастыря, которые сохранили в основном прежнюю архитектуру, это была типичная современная квартира холостяка. Большое открытое пространство украшал огромных размеров телевизор с плоским экраном – такой экран она видела только в кинотеатре. Помимо телевизора в комнате было полно всевозможных гаджетов, о существовании которых она и не подозревала. Кара сомневалась, что знает, как работает хотя бы четверть всех этих штуковин.

Она стояла среди великолепия современной технологии и спрашивала себя, а правильно ли она поступает. Нет, все правильно. Ее не родившийся ребенок заслуживает справедливости.

– Хочешь выпить?

– Нет. Давай поскорее покончим с нашим разговором.

– Ну, а я выпью. – Он взял со стеклянного стола в центре комнаты пульт и нажал на кнопку – дубовые панели позади него раздвинулись, и появился бар с рядами бутылок.

Пепе приготовил себе коктейль и спросил:

– Ты уверена, что ничего не выпьешь?

– Уверена.

Он залпом выпил. Голубые глаза в упор смотрели на нее.

– Тогда продолжай. Убеди меня.

Она сжала губы, с неприязнью глядя на него. Потом произнесла:

– Я беременна.

– Это ты уже говорила.

– Потому что это так и есть.

– И сколько?

– Что «сколько»?

– Сколько денег? Сколько денег ты собираешься вытянуть из меня?

Она смерила его гневным взглядом:

– Я не собираюсь ничего из тебя вытягивать.

– Значит, ты не хочешь моих денег? – с насмешкой произнес он.

– Конечно, хочу. У тебя много денег. А у меня нет ничего. Совсем ничего. Я нищая. Без гроша в кармане. А еще я ношу ребенка, чей отец может себе позволить заплатить за приличную кроватку и одежду и за достойное место, где этот ребенок будет жить.

Он шумно, сквозь зубы, выдохнул:

– Ты все-таки пытаешься вытянуть из меня деньги.

– Нет! – Кара открыла сумку и вынула коричневый конверт, а из конверта – квадратный лист бумаги. – Вот. – Она передала это ему. – Вот доказательство. Я не пытаюсь вытянуть из тебя деньги. У меня беременность шестнадцать недель. Ты станешь отцом.

На минуту Пепе испугался, что его сейчас стошнит – в животе все перевернулось. На коже выступил холодный пот, сердце бешено заколотилось.

Если это подделка, то Кара весьма преуспела.

На листе бумаги явственно проглядывались очертания фасоли. Да, это определенно зародыш в утробе. Он внимательно разглядывал снимок. Там было обозначено название больницы в Дублине, имя – Кара Мэри Делейни, дата ее рождения и дата зачатия. Он подсчитал. Да. Она беременна шестнадцать недель.

Прошло шестнадцать недель с тех пор, как он был в Дублине.

– Ты не очень-то похожа на беременную. – Она выглядела худее, чем раньше, но ведь она никогда не была толстой. Да и сейчас ее не назовешь худой как щепка.

– У меня был стресс. Неожиданная беременность может потрясти любую женщину. Но ребенок абсолютно здоров. Я уверена, что скоро начну полнеть.

Он снова взглянул на снимок. Кара умная женщина, но сомнительно, что даже она могла подделать такое. Этот снимок более четкий, чем тот, на который он смотрел не один час десять лет назад, но все остальное было похожим.

Кара беременна.

Пепе вздохнул и постарался оценить ситуацию как можно хладнокровнее, но это было трудно. Очень трудно.

– Поздравляю. Ты станешь матерью. А теперь, скажи на милость, почему ты так уверена, что отец – я?

– Что за дурацкий вопрос? Конечно, отец ты. Ты единственный мужчина, с которым я по глупости легла в постель.

– И ты полагаешь, что я поверю твоему слову?

– Ты прекрасно знал, что я была девственницей.

– Я с этим не спорю. Что я оспариваю, так это мое отцовство. Я понятия не имею, чем ты занималась после того, как я уехал. Откуда мне знать, что, обнаружив, какого ты лишилась удовольствия, ты не стала заниматься сексом…

Он не заметил, как у нее взлетела рука. Раздался звук затрещины. Удар пришелся ему на правую щеку и был таким сильным, что у него дернулась голова.

– Да как ты смеешь унижать меня, свести до своего подлого уровня? – прошипела она.

У Пепе горела щека. Она хоть и маленькая, но удар у нее крепкий, и пятерня отпечаталась на коже и как раз пришлась на длинный шрам, который он получил в восемнадцать лет и с тех пор порой ощущал, как лезвие ножа врезается ему в щеку. Он поднес к лицу руку.

– Сейчас я оставляю это без ответа, – сказал он, изо всех сил сдерживаясь. – Но если ты еще хоть раз поднимешь на меня руку, то не увидишь больше ни меня, ни моих денег.

– Ты это заслужил.

– Почему? Я всего лишь указал тебе, что ты ждешь, что я поверю тебе на слово. Знай: я никому не верю на слово, особенно женщине, которая заявляет, что носит моего ребенка.

– Я ношу твоего ребенка – это правда.

– Нет, ты носишь какого-то ребенка. До его рождения и до того, как мы сделаем тест на отцовство, я не желаю слышать никаких упоминаний моего имени. – После того, что с ним сделала Луиза, он никогда больше не попадется на эту удочку. Никогда.

Только дураки дважды повторяют ошибки.

У Кары чесались руки залепить ему еще одну пощечину, но она впилась ногтями в ладони и удержалась.

Если бы она только могла, то ушла бы. Но она не может. Она не преуменьшила свое материальное положение. После оплаты перелета на Сицилию у нее оставалось сорок восемь евро, чтобы продержаться две недели до зарплаты. Одно дело – самой жить на консервированной фасоли и тостах, но совсем другое дело, когда у тебя скоро появится крошечное существо, которое надо кормить и одевать. И еще ей необходимо найти новое жилье, где ей разрешат жить с ребенком.

Когда она только узнала, что беременна, то ее охватил ужас – внутри у нее растет жизнь.

Бог ты мой! Ребенок. Да она и вспомнить не могла, держала ли когда-нибудь ребенка. Правда, ужас притупился, когда она осознала реальность произошедшего с ней.

Ребенок будет во всем зависеть от нее. От ее любви. От стабильности ее материального положения. От еды. Из всего перечисленного она в силах обеспечить его только любовью.

О какой стабильности может идти речь, если она снимает квартиру, где нельзя жить с детьми? Какое питание для ребенка, если она едва зарабатывает, чтобы прокормить себя? На одни лишь подгузники уйдет вся ее зарплата.

Борясь с волнением – только бы не зарыдать! – она сказала как можно более сдержанно:

– Итак, как ты хочешь, чтобы я поступила? Позвонила тебе через пять месяцев и сообщила, кто родился, мальчик или девочка?

Он пронзил ее взглядом:

– Вовсе нет, cucciola mia.

Cucciola mia. Так ласково он называл ее в тот их общий уик-энд. Любопытство заставило ее посмотреть перевод с итальянского, заглянув в смартфон, который он у нее потом стащил. Она была разочарована – по-английски это означало «мой щенок, моя собачка». Правда, когда он произносил это с глубоким сицилийским выговором, звучало дразняще и чувственно.

Отвлекшись от брошенных им машинально нежных слов, Кара заметила, что он внимательно смотрит на сканированный снимок.

– Это сделано месяц назад, – сказал он, сверившись с датой, указанной в углу снимка.

– И что?

– А то, что все это время ты ничего мне не сообщала. Почему?

Как же она его ненавидит! Он во всем видит заговор.

– Я хотела, чтобы срок беременности уже не позволил тебе заставить меня сделать аборт.

Твердые, чувственные губы Пепе сжались, глаза сощурились, на лбу обозначились складки. Он долго молчал, прежде чем произнести:

– С чего ты это решила?

Она едва не рассмеялась ему в лицо:

– Ты спал со столькими женщинами и стольких бросал! У тебя это просто вторая карьера. Странно было бы, что лучший плейбой года захочет ребенка.

Глаза его потемнели, но тут же на губах появилась усмешка.

– Я стал бы еще более привлекательным для прекрасного пола.

– Ты думаешь, я забыла твои пренебрежительные высказывания о детях? Думаешь, я не заметила, как ты закатывал глаза, когда Грейс и Лука обсуждали будущих детей?

– И это доказательство того, что я потребовал бы аборт?

– Ты ясно дал понять, что дети – это не сфера твоих интересов.

У него на щеке забилась жилка. Наступила долгая пауза.

– Скажем так: вдруг тест на отцовство докажет, что ребенок мой. Чего тогда ты ждешь от меня? Брака?

– Нет! – почти выкрикнула она. – Нет. Я не хочу выходить за тебя замуж. Я не хочу ни за кого выходить.

– Какое облегчение, – растягивая слова, произнес он, повернулся к бару и наполнил еще бокал. – Но на случай, если ты сказала это потому, что я хочу это услышать, знай: брак не обсуждается, что бы ни показал тест.

Неужели он тогда ее чем-то опоил, раз она позволила ему себя соблазнить? Такое возможно только находясь в наркотическом опьянении, когда гормоны, которые преобладают у других людей, наконец-то сработали и у нее. Впервые в жизни она испытала желание. Это было… самое потрясающее ощущение, какое только можно себе вообразить.

И она хотела – хотела! – верить, что у него серьезные намерения.

Мысленно она представила своих родителей. Отец каждую неделю менял женщин. Сколько же у него было любовных связей, сколько потом ссор между родителями и сколько примирений… Неужели они тоже были во власти такого же дурмана? Может, это стало причиной их страшного эгоизма?

Кара отбросила эти мысли. Она не последует примеру матери, не будет думать только о себе. У нее на первом месте всегда будет ребенок с его потребностями. И не важно, какую жертву она принесет ради него.

– Я рада, что ты так думаешь, потому что, поверь мне, у меня нет ни малейшего желания выйти за тебя. – Да она скорее выйдет за орангутанга.

– Замечательно. Люди, которые женятся из-за ребенка, дураки. А я не дурак.

Она зло на него взглянула:

– Я могу придумать много всяких слов для твоей характеристики, но ты точно не дурак.

– В таком случае наши мнения совпадают, – с насмешкой ответил он.

– В вопросе о браке – да, но, Пепе, мне необходима помощь. Я не в состоянии материально обеспечить ребенка.

– Поэтому ты обратилась ко мне. – Он одним махом опрокинул бокал спиртного.

– Если ты думаешь, что мне нравится просить у тебя деньги, то ты плохо меня знаешь. Я обратилась за помощью к тебе, потому что это твоя обязанность…

– Ты собираешься возложить вину на меня?

– Не одна я потеряла голову, – парировала Кара.

Тепло разлилось у нее по телу при воспоминании о том, как она лежала в его объятиях. И, хотя прошло всего несколько минут после их первого любовного экстаза, жар, который он зажег у нее внутри, а она – у него, вспыхнул с новой силой. Он оказался поверх нее, страстно целуя, и оба уже не помнили, как снова их тела переплелись и соединились. Если она думала, что в моменты их первой близости она ощутила что-то особенное, то сейчас это было… неописуемо потрясающе. Потом – ей показалось, что прошла вечность, – они лежали, глядя друг другу в глаза, прежде чем он неохотно отстранился от нее, чтобы взять презерватив.

Один миг – и зародилась новая жизнь.

– Трудно представить, что этого было достаточно, чтобы заделать ребенка, – мрачно заметил он.

– Но это случилось. Ты использовал меня. Нравится тебе или нет, но ты несешь ответственность.

Противно думать, но она, кажется, права.

Пепе не мог вспомнить, когда еще он был так беспечен в постели.

Но нет – он помнил.

Последний раз, когда он забыл про презерватив, было в восемнадцать лет. Он был молод и влюблен. Убийственное сочетание.

Что касается Кары… Все произошло само собой. Вообще-то он ни о чем не думал. Просто… голова пошла кругом от того, что она – девственница. Он не понимал, что у него происходило в душе.

Обычно, переспав с женщиной, весело с ней поболтав, он выпивал бокал вина или чего-нибудь покрепче, потом – иногда – снова занимался с ней любовью, а потом уходил, забыв о ее существовании. Но никогда прежде у него не тянуло под ложечкой и не сдавливало грудь. Вероятно, от того, что он чувствовал вину. Вину от того, что она была девственницей или от того, что он спал с ней, чтобы украсть телефон? Почему? Он не знал.

Несмотря на свою репутацию плейбоя, Пепе все же руководствовался в своих действиях головой, а не тем, что было между ног. По крайней мере, до той ночи с Карой.

Но их первое соитие не было настолько долгим, чтобы зачать ребенка. Минута, не больше. Потом он заставил себя вспомнить про презерватив. А та минута была незабываемой.

От возбуждения в его брюках вновь стало тесно.

– Мне нужно выпить кофе, – пробормотал он. Вообще-то ему необходимо что-то покрепче, но он понимал, что следует остановиться. В мозгу уже созревал план, и ему надо мыслить четко. – Ты выпьешь кофе?

Кара покачала головой. Она стояла спиной к стене, сложив руки и вскинув подбородок. Вид вызывающий.

Пепе позвонил на кухню. Его план был готов. Каре придется – хочет она того или нет – согласиться с тем, что он собирается ей предложить. Она хочет войны? Что ж, ей пора узнать: эту битву она ни за что не выиграет.

Глава 3

Сказанное Пепе прозвучало как приказ:

– Сядь.

Кара крепче сцепила руки и почти вжалась в стену. Слава богу, что платье у нее достаточно длинное, чтобы прикрыть трясущиеся колени.

Ноги она не в силах заставить не дрожать, но покоряться не намерена. Ей безразлично, насколько влиятелен Пепе в своем окружении, власти над собой она не допустит. Даже капельки власти. Без борьбы она не сдастся.

– Устраивайся.

Он опустился на огромных размеров кожаный диван шоколадного цвета, вытянул длинные ноги, скинул туфли и одарил ее улыбкой.

Колени у Кары затряслись сильнее.

Как же она ненавидит эту чертову улыбку! Такую… фальшивую. Но почему от его улыбки сердце стучит как-то по-особому? Стучит так сильно, что вот-вот выпрыгнет из груди?

– Я понимаю, что ты в трудном положении, – произнес он, закинув руку за голову и ероша волосы. – У меня есть разрешение этой проблемы, и оно устроит нас обоих.

Кара прищурилась, а он продолжал:

– Это потребует жертв с обеих сторон. – Он бросил на нее предостерегающий взгляд и блеснул белыми зубами. – Но уверяю тебя, что если я отец твоего ребенка, как ты говоришь, то жертва того стоит.

Что, черт возьми, Пепе Мастранджело знает о жертвах? Вся его жизнь крутится вокруг исключительно собственных удовольствий.

Она сдержанно кивнула:

– Я тебя слушаю.

– Ты будешь жить со мной до рождения ребенка. Потом мы сделаем тест на отцовство. Если он окажется положительным, как ты утверждаешь, тогда я куплю тебе дом по твоему выбору. И конечно, обеспечу вас обоих материально.

– Ты хочешь, чтобы я жила с тобой, пока не родится ребенок? – спросила она, не совсем уверенная, что не ослышалась.

– Да.

– Почему? – Каре не приходила в голову ни одна подходящая причина. – Все, что мне надо от тебя сейчас, – это достаточная сумма денег, чтобы снять приличную квартиру в хорошем районе и купить необходимые вещи для ребенка, – тебе придется потратиться на ребенка, когда он родится.

– Только в том случае, если ребенок мой. Если нет, я не должен платить тебе ни единого евро.

– Ребенок твой, – процедила сквозь зубы Кара. – Но раз уж ты такой недоверчивый, я готова подписать контракт, в котором обязуюсь вернуть тебе все деньги в случае, если тест на отцовство докажет, что отец – человек-невидимка.

Он поджал губы.

– Для меня проблема в том, что существует возможность, что ребенок в твоей утробе – мой. Я не могу допустить, чтобы с ним что-то случилось.

– Я же тебе говорила, что откладывала сказать тебе о ребенке, чтобы ты не заставил меня сделать аборт. Я опоздала на четыре недели сделать это в Сицилии, а в Ирландии это вообще незаконно. – Кара быстро заморгала, чтобы не полились злые слезы. Она ни за что не доставит ему удовольствия видеть, как она плачет. Она не даст ему той власти над собой, какую мать дала ее отцу.

Что ей остается? Только показать ему свою гордость и сохранить хоть какое-то достоинство.

– Я ничего не говорил про аборт, – заметил он. – Меня интересует исключительно твое здоровье. Ясно, что ты не уделяла этому внимания, раз так похудела, а средств, чтобы обеспечить ребенка, у тебя нет – ты сама это признала. Я не удивлюсь, если ты, корысти ради, используешь свою беременность, чтобы улучшить свое материальное положение за мой счет.

Кара еле слышно выругалась:

– Ты отдаешь себе отчет, насколько это оскорбительно?

Он с бесстрастным видом пожал плечами:

– Помимо денег есть еще один нюанс: если ты носишь моего ребенка, то я хочу быть абсолютно уверен в том, что ты должным образом заботишься о своем здоровье.

– Я слежу за собой, как могу при создавшихся обстоятельствах, но обещаю, что здоровье нашего ребенка у меня на первом месте.

Он снова покачал головой и развел руками:

– Мои условия не обсуждаются. Если ты хочешь моей поддержки во время твоей беременности, то я тебе помогу. Но денег я тебе в руки не дам. Все, что ты должна будешь сделать, – это переехать ко мне, быть со мной постоянно, а я буду кормить и одевать тебя, покупать тебе все необходимое. Если после рождения ребенка мое отцовство будет установлено, тогда я приобрету дом на твое имя в том месте, которое ты сама выберешь. И определю тебе содержание, достаточно большое, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

Господи! А она несколько месяцев не решалась сказать ему о беременности, потому что убедила себя, что он потребует от нее сделать аборт.

– Видишь ли, cucciola mia, я не чудовище, каким ты меня себе представляла, – укорил ее он, словно читая ее мысли.

В дверь громко постучали, и вошла служанка с подносом, на котором стоял кофейник, чайник под стеганым чехлом и две чашки.

– Кофе без кофеина, – пояснил Пепе, когда служанка, поставив поднос на стеклянный стол, удалилась.

– Я же сказала, что ничего не хочу.

– Тебе нужно что-нибудь попить, чтобы не было обезвоживания.

– О, да ты к тому же еще и доктор. Или у тебя целый выводок незаконнорожденных детей бегает по всему миру, и поэтому ты специалист по

части беременности?

Он взглядом заставил ее замолчать.

– Прости. Но неужели я поверю, что тебе впервые заявляют о твоем отцовстве?

По его глазам ничего нельзя было понять.

– Я всегда использую презервативы.

– И ты ждешь, что я тебе поверю?

У него застыло лицо, потом губы слегка дрогнули. Он кивнул и произнес:

– Возражение принимается.

Как же он красив! Кара изругала себя. Красота и мужественность Пепе ей не нужны. Она больше не позволит гормонам нарушить ее эмоциональное спокойствие.

У него из ворота рубашки выбивался завиток черных волос. Она помнила, что черные волосы покрывали его грудь с тугими мышцами, спускались к животу и пупку и еще ниже… Ей казалось, что волосы на груди должны колоться, но, к своему изумлению, обнаружила, что они мягкие, как шелк. Это – единственное, что в нем мягкое, все остальное железное.

Кара сглотнула слюну и сдвинула брови, чтобы подавить растущий жар внутри. В горле пересохло. Черт бы его побрал, но ей нужно что-то выпить.

Сжав губы, она отошла от стены, налила себе чаю и с чашкой в руке приблизилась к дивану. Она хотела присесть на краешек, но диван оказался таким пружинистым, что она почти в него провалилась. Ноги у нее оторвались от пола, и чай пролился на колени.

Кара вскрикнула, задрыгала ногами. Обжигающая жидкость мгновенно намочила ей платье.

Пепе пулей вскочил и выхватил из ее рук чашку.

– С тобой все в порядке?

От сильнейшей боли Кара могла лишь стонать. Она задрала подол платья и спустила вниз кружевные резинки черных чулок.

– Ты в порядке? – повторил он.

Глупо, но искреннее волнение в его голосе затронуло ее сильнее, чем ожог.

Молочно-белое левое бедро сделалось ярко-розовым, а на правом тоже горело два пятна.

– Больно, – задыхаясь, выговорила она.

– Представляю. Ты сможешь идти?

– Зачем?

– Чтобы полить водой на ноги.

Бедро, особенно левое, горело так, словно сошла кожа, поэтому сил спорить не было.

– Пойдем.

Он помог ей встать. Она морщилась, но не сопротивлялась.

Колени подгибались, и она едва снова не упала на диван, но Пепе удержал ее, и не успела она опомниться, как он подхватил ее на руки, стараясь не задеть бедра.

– Это ни к чему, – попробовала возразить Кара, понимая, что выглядит нелепо с задранным платьем и спущенными до колен чулками.

– Возможно, и ни к чему, – согласился он, пересек комнату и вышел в узкий коридор. – Но так быстрее.

Он нес ее так легко, словно она весила не больше ребенка. Лицо у нее оказалось почти прижатым к его крепкой загорелой шее. Она уже успела забыть его неповторимый запах – так пахнет созревший на солнце южный фрукт. Она наполнялась этим ароматом и изо всех сил старалась не поддаться искушению и не лизнуть ему кожу.

Ванная комната была такого размера, как две ее спальни, и напоминала черно-бело-золотой дворец в миниатюре. Но оценить это великолепие она не успела, потому что Пепе пронес ее по мраморным ступенькам и осторожно усадил на край утопленной в полу ванны.

– Тебе нужно снять платье, – сказал он.

– Предпочитаю этого не делать.

– Ты вымокнешь.

– Я уже вымокла.

– Как хочешь. – Он опустился на колени и положил руку ей на ногу.

Кара не удержалась от крика:

– Что ты делаешь?

– Снимаю чулки. – Он стянул один чулок до щиколотки. Кара не могла не подумать о том, что, к счастью, она сделала на ногах эпиляцию воском всего несколько дней назад. – Очень эротичные чулки, – отметил он.

– Неуместное замечание.

– Прости.

Чулки были отброшены на пол. Пепе помог ей сесть в пустую ванну и снял с позолоченных кранов душ. Он включил воду, и струя окатила обоих. Отрегулировав напор, он с улыбкой спросил:

– Все еще не хочешь снять платье?

– Не хочу. – Она скорее будет страдать от ожогов третьей степени, чем разденется перед ним до белья.

– Я уже видел тебя голой, – напомнил ей он, нахально улыбаясь и направляя струю воды ей на бедро.

– Но не при ярком свете, – уточнила она.

Холодная вода принесла облегчение. Кара прикрыла глаза и откинула голову, не замечая, что вода с ног стекает под нее. Постепенно обожженная кожа онемела, и боль ушла.

Лишь открыв глаза спустя несколько минут, Кара увидела, что подол платья задрался еще выше, и на обозрение Пепе предстали ее черные трусики.

– Думаю, что уже хватит, – сказала она и натянула на колени мокрое платье.

Пепе скосил глаза в сторону, пытаясь отделаться от картины, нарисовавшейся в мозгу. Но не помогло.

Вид Кары в мокрых трусиках… Мысли о том, что скрывалось под ними, жгли его не меньше, чем кипяток, вылившийся ей на ноги. Брюки сделались вдруг узки, а дышать стало трудно. Он сжал зубы и заставил себя успокоиться.

Пепе закрыл краны, повесил душ на место и присел рядом с Карой, стараясь смотреть исключительно на ее лицо.

– Ожоги не страшные. Не похоже, что будут волдыри, но на всякий случай у меня в аптечке есть мазь. Я сейчас принесу. А где твои вещи, чтобы переодеться?

– Я ничего с собой не привезла.

– Почему? – Раньше, когда Кара приезжала на Сицилию, то обычно задерживалась по крайней мере на неделю.

– Я приехала только на один день.

– Да? – Он прибыл из Парижа за двадцать минут до обряда крещения, потому что хотел избежать долгих родственных общений. Ему и в голову не приходило, что Кара поступила так же.

– Я боялась проболтаться Грейс до того, как поговорю с тобой. Она не сможет утаить это от Луки, а он, в свою очередь, скажет тебе.

Пепе представил, что было бы, узнай его невестка этот «секрет»: грандиозного скандала он бы не избежал.

– Я спрошу у Грейс, сможет ли она одолжить тебе одежду…

– Ни в коем случае. – Кара бросила на него сердитый взгляд.

– Ты права. Плохая идея. – Как он объяснит Грейс, почему ее ближайшая подруга сидит с ошпаренными бедрами у него в ванне? История с ребенком тут же всплывет. – Ты кому-нибудь говорила о ребенке?

– Только своей матери, но это не в счет.

– Хорошо. – Он не придал значения тому, что она запнулась, упомянув мать, но ему не до этого.

– Ты что, боишься, что все обожающие тебя тетушки и дядюшки Мастранджело попытаются нас поженить?

– Они могут сколько угодно пытаться, – пожал плечами он. Дай им волю – они притащили бы его и Кару к алтарю быстрее, чем он заделал ей ребенка.

Но это, если она забеременела от него.

Ему безразлично, девственницей она была или нет. Все равно, что даты совпадают. До тех пор, пока он не увидит неопровержимого доказательства своего отцовства, он не позволит себе поверить в это.

– Я никому не подчиняюсь, – заявил он.

– Я тоже. Твое предложение переехать к тебе просто нелепо. Как, черт возьми, я смогу работать, если буду вынуждена разъезжать повсюду с тобой? У тебя дела по всей Европе.

– И в Южной Америке, – уточнил он. – Работу тебе придется оставить.

Он увидел, как она вздрогнула. Неудивительно – ведь он десять минут поливал ее из холодного душа.

– Давай-ка я помогу тебе отсюда вылезти. Спор закончим, когда ты вытрешься и согреешься.

– Я не оставлю работу и к тебе не перееду.

– Я же сказал – продолжим разговор, когда ты высохнешь.

Пепе чувствовал, как ей неприятно прибегать к его помощи, чтобы выбраться из ванны. Отвернувшись, она оперлась на его руку, чтобы встать на ноги.

Кара была похожа на мокрую курицу. Даже лицо у нее было мокрое.

Он не сразу сообразил, что это слезы текут у нее по щекам.

– Ты плачешь?

– Я плачу, потому что я разозлилась, – всхлипнула она. – Ты разрушил мою жизнь и теперь хочешь разрушить еще и мое будущее. Я тебя ненавижу.

Он снял с крючка пушистое полотенце и накинул на нее.

– Если ты говоришь правду, то твое будущее обеспечено. Я дам и тебе, и ребенку больше денег, чем ты в состоянии потратить.

– Я не хочу быть содержанкой. Я всего лишь хочу того, что положено нашему ребенку.

– Содержанкой ты не станешь. Тебе будут выделены средства. Если твой ребенок окажется и моим, то у тебя хватит денег на все, что пожелаешь. Ты сможешь нанять няньку – да целую армию нянек – и вернуться на работу.

Она так дрожала, что у нее зуб на зуб не попадал.

– Но у меня не будет работы, куда возвращаться.

– Есть другие работы.

– Но не такие. Ты хоть представляешь, как трудно подняться по карьерной лестнице в мире искусства без связей?

– Есть другие занятия, – повторил он. В груди вдруг образовался тугой ком. Но он не может себе позволить ее жалеть… даже чуть-чуть. Пусть она и выглядит такой беззащитной.

Луиза много раз выглядела беззащитной. И все оказалось притворством, а он – сосунок! – поверил ей, поддался на эти уловки. Каждый день, когда он смотрелся в зеркало, он видел доказательство ее лжи прямо перед собой. Он мог бы сделать пластическую операцию и убрать шрам. Но он решил сохранить это напоминание о том, что нельзя доверять никому, и особенно когда дело касается любви.

– Ты не обязана переезжать ко мне. – Он заставил себя прямо посмотреть в ее полные слез глаза. – Ты можешь сесть на самолет, улететь обратно в Ирландию и продолжать вести жалкое существование. Или ты можешь остаться. Если ты останешься, я буду обеспечивать тебя, а как только родится ребенок, мы сделаем тест на отцовство. Но если ты уедешь сейчас, то не получишь ни единого евро от меня до того, как мое отцовство – или его отсутствие – не будет доказано. Если решишь уехать, то тебе придется пройти через суд, чтобы

получить от меня образцы для ДНК… если ты меня разыщешь. Как тебе известно, я обитаю в четырех странах, и тебе будет крайне трудно заполучить этот самый образец.

Пепе понимал, как чрезмерно жестко звучат его слова, но он не позволит ни капли снисхождения к ней.

Если Кара действительно носит его ребенка, то он обязан любыми способами защитить это невинное существо. А единственное средство, как это сделать, – загнать ее в угол, из которого можно выбраться только по его правилам.

Он не может потерять еще одного ребенка.

Глава 4

Никогда Кара не чувствовала себя так по-дурацки, как в этот момент.

Голубая рубашка Пепе доходила ей до колен, а его брюки она закатала в несколько раз, чтобы они не падали ниже щиколоток. Не хватает только пары длинноносых башмаков – и клоун готов.

Следуя за Пепе в его самолет по металлическим ступеням, она вымученно улыбалась и кивала в ответ на приветствия команды. Ни один из них и глазом не моргнул на ее появление. Скорее всего, странные женщины, сопровождавшие Пепе в его перелетах, – это привычное явление.

Самолет Пепе – ну просто летающая квартира холостяка. Кругом кожа и темная деревянная отделка стен. Стюард проводил ее к креслу. Каре не понравилось, что Пепе сел рядом с ней.

– Ты мог бы выбрать другое место – здесь десять кресел, – недовольным тоном сказала она.

– Ты тоже, – ответил он, пристегнув ремень и вытягивая длинные ноги. Он взглянул на дешевый мобильник у нее в руке. – С кем говоришь?

– С Грейс.

– И что ты ей сказала?

– Что ее деверь безответственный мерзавец с моральными устоями амебы.

Он выгнул бровь.

Она вздохнула:

– Я хотела написать, но, пока мы не уладим финансовые дела, я не могу рисковать – ведь она способна свернуть тебе шею.

– Очень мило с твоей стороны проявить такую заботу, – сухо заметил он.

Она прострелила его ядовитым взглядом:

– Я просто извинилась за то, что ушла с крестин не попрощавшись. Еще я сказала ей, что попросила тебя подвезти меня в аэропорт. Кто-нибудь мог увидеть нас вместе.

– Тебя волнует то, что скажут люди? – беспечно произнес Пепе.

– Нисколько. Я просто не хочу, чтобы Грейс волновалась.

Кара понимала, что ей следовало обратиться за помощью к Грейс. При обычных обстоятельствах она так и сделала бы. Но когда она узнала, что беременна, то Грейс в это время скрывалась – у нее были собственные проблемы. Кара рассказала лишь матери, но та была занята очередной изменой своего нового мужа и не проявила особой заинтересованности. Вообще-то Кара и не ожидала ничего другого от женщины, давшей ей жизнь.

Но сейчас Лука и Грейс пребывают в состоянии крепкой любви и безоблачного счастья. Подходящая возможность попросить помощи. Грейс дала бы ей денег и все, что ей необходимо, не задавая вопросов. Но Кара не смогла бы скрыть произошедшего, и вся эта грязная история выплыла бы наружу. Одному Богу

известно, что случилось бы потом.

В любом случае подруга не должна нести ответственность за ее ребенка. Грейс здесь ни при чем. Это дело ее, Кары. Ну и, конечно, беспечного плейбоя.

– Как твои ноги? – спросил Пепе.

– Терпимо. – Мазь, которую он ей дал, оказалась просто благодатной. Он был такой… Заботливый? Неподходящее слово, но оно ближе всего по смыслу к тому, как он отнесся к ее ранам. Но не к ней самой.

Как человек может быть одновременно таким заботливым и таким ужасающе равнодушным?

– Ты лучше сними брюки, чтобы материя не касалась кожи.

– Все нормально. – Ни за что на свете она снова не снимет с себя ничего из одежды, даже если он будет от нее на расстоянии десяти миль.

Самолет начал выруливать на взлетно-посадочную полосу. Кара посмотрела в окно – в горле у нее стоял ком.

– Пепе, пожалуйста, позволь мне вернуться в Дублин. Хотя бы на пару дней, чтобы привести в порядок дела.

Они спорили об этом за последний час три раза.

– Невозможно. Завтра я занят весь день, а вечером у меня деловой ужин.

– При чем здесь я? Предполагается, что я должна быть на работе.

– Ты пойдешь на встречу со мной.

Она сделала глубокий вдох, чувствуя, что с давлением у нее не все в порядке.

– Я уже устал тебе объяснять, что следующая неделя у меня загружена делами.

– Значит, я должна ждать уик-энда, чтобы вернуться домой? – в ужасе произнесла она.

– Боюсь, что поездка в Дублин не входит в планы на ближайшее время.

– Ты шутишь?

– Ты можешь уладить свои дела другим способом.

– То есть я должна послать свое заявление об увольнении письменно или по электронной почте?

Он пожал плечами:

– На твое усмотрение.

– Я вообще не хочу оставлять свою работу, – сердито сказала она. – Но если уж должна уволиться, предпочла бы сообщить об этом начальству лично.

– Я понимаю, что это неудобно, но если, как ты говоришь, ребенок от меня, ты получишь очень неплохую компенсацию.

– А мои соседки по дому? Они тоже получат компенсацию? Я их практически подставляю. Если ты не дашь мне возможность поехать в Дублин, я не смогу освободить свою комнату. А они не смогут найти другую соседку вместо меня.

– Не вижу проблемы. Я могу послать кого-нибудь, чтобы освободить твою комнату.

– Ну уж нет! – Она не желает, чтобы какой-то незнакомец рылся в ящиках с ее бельем. Закрыв глаза, Кара тяжело выдохнула. Из-за пререканий с Пепе она не заметила, как самолет увеличил скорость. В животе началось волнение, и она откинулась назад.

Самолет взлетел.

– Если я свяжусь со своими соседками и попрошу их собрать мои вещи, то ты сможешь послать кого-нибудь за ними?

– Конечно.

– И можно доставить багаж завтра утром?

– Почему такая спешка?

– Потому что у меня ничего нет, кроме дамской сумки и туши для ресниц. Мне нужны мои вещи.

– Я уже распорядился о покупке новой одежды для тебя – ее доставят в мой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Каналетто (Джованни Антонио) – итальянский живописец (1697–1768).

Купить: https://tellnovel.com/ru/mishel-smart/byvshaya-lyubovnica-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить